

ИСТОРИЯ И ПРАВДА НЕРАЗДЕЛИМЫ

ДУМАЯ О ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ

СКОЛЬКО людей — столько и характеров, столько и судеб. Конечно, судьба людей разных поколений в целом одна (революция, Великая Отечественная, возрождение), но у каждого человека в отдельности все-таки своя судьба, своя единственная, неповторимая жизнь, своя история.

20-летняя москвичка Ирина Мейснер, студентка 3 курса МГУ, комсомолка везет овойне восприняла как и весь наш народ. Война! Страхная эта действительность отодвинула назад все мечты о мирной, счастливой жизни. Комсомолы столицы стали собираться в отряды для отправки в партизаны. В один из таких отрядов записалась и Ирина. И вдруг до нее дошла весть: всех жителей немецкой национальности будут выселять из Москвы.

Растерянная и ошеломленная услышанным, она пришла в райком комсомола. «Как же так! Неужели правды? Что ты, Ирина!.. Успокойся, никто тебя не выселит. Даже на думай об этом», — твердо заверил товарищ по организации.

Но семья Мейснер из Москвы все же эвакуировали, как тогда им говорили. Вызвали в командатуру и велели быстро собираться: «Не беритесь с собой много вещей, мы все эвакуируем месяце на два, не три — не больше. Заберете свои квартиры, скоро вы в них вернетесь. Никто из не тронет».

Вот так, бросив все, в спешном порядке, растерянные, униженные таким к себе отношением люди покидали Москву. Трясая в настом вагоне, влюбленная в свой город, мечтающая принести Родине большую пользу своей жизнью, ученой, работницей, Ирина Мейснер еще не знала, что никогда больше не вернется сюда. Она даже не подозревала, какая горькая, унизительная жизнь ждала ее впереди. Она готова была пожертвовать своей жизнью ради спасения Родины, ей хотелось сражаться с ненавистными фашистами, быть полезной на фронте, а ее везли неизвестно куда и зачем. А главное — почему? За что? В чем ее вина? В том лишь, что родилась немкой!

Моя седовласая собеседница трудно собралась с мыслями. Такая длинная и тяжелая прожитая жизнь, разве обо всем расскажешь.

— 19 сентября 1941 года мы покинули Москву и через две недели оказались в Казахстане. Из Осакаровка до 9 поселка нас везли на подводах. Самое невыносимое было, когда за ночными телегами бежали ваганы ребят с криком: «Смрут-

рите — немцев везут, немцев везут!.. Взрослые стояли вдоль дороги с настороженными и неприступными лицами. Как это было унизительно и оскорбительно, словами не передать. Да случилось еще так, что семью нашу раскидали в разные стороны — я с мамой и братом попали сюда, отец с младшим моим братом — в Сибирь. Две недели мы пробыли на 9 поселке, потом оляте в Осакаровку. Брат устроился работать на мебельный комбинат, но вскоре был забран в трудармию. А мы с мамой стали хлопотать о разрешении соединиться с отцом. Отец писал прошения со своей стороны и в мае 1942 года нас привезли в Новосибирск. — Ирине Александровна замолчала, задумчиво глядя в одну точку. Я понимала затнувшуюся эту паузу и не торопилась.

— То, что я вам рассказываю, — это лишь канва моей жизни, а какие страшные, уродливые не ней узоры! Как рассказать про все это? Невозможно, — продолжила Ирина Александровна. — Мы же жили под командатурой. Обязаны были стоять у порога навстречку, руки по швам. И упали бы нарушить это правило. Сколько ни в нем не познанных людей осталось лежать в сибирских лесах. Выжидали там лишь люди среднего возраста. Старики и дети не выдерживали.

Вскоре из Новосибирска нас отправили в глубь Сибири, в Томскую область. Там, душой осень, идет холодный, нудный дождь, а нас выселили на голом берегу Оби близ поселка Усть-Тыи. Там и разместились ков-как.

В это глухое место продукты возвоили только водным путем, пока не станет Обь. В эту зиму продуктов завезли на 300 человек, а потом привезли еще и нас 500 человек. Естественно, началось страшный голод. У нас с мамой ков-какие вещишки все же были — все променяли на продукты. Например, за пальто можно было выменять у местных жителей ведро картошки. Словом, остались мы в конце концов и раздетые, и голодные. Работале я в лесу на лесоповале. Маме мне шишка из старого сунка चुки, как их там называют, вот и все обуш. А морозы были лютые. Помню как-то переправляли мы обоз с рыбой в Колпашево. Это 600 километров на подводах, в 50-градусный мороз, в скудном своем одеянии. Сколько натерпелись в дороге, словами не высказать.

А в лесу как жили!.. Была у нас избушка деревянная

метре три на три, не больше. В ней сплосные нары и нас 50 человек коротали на них ночь. Лежать могли лишь на одном боку, плотно прижавшись друг к другу. Вот так полежим полночь, затем все дружно резом на другой бок переворачивались. В одиночку это сделать было невозможно.

Ирина Александровна вновь глубоко задумалась. А я мысленно пыталась представить худенькую, хрупкую москвичку, в общем-то никому прежде не видевшую плыи, у огромного дерева, которое ей с такой же, как и она, напарницей предстоит спилить, свалить, обрубить все ветки, распилить ствол на определенного размера чурбаки, вывезти их к определенному месту. Длинная, тупая пиле не слушается их, застревает в тугой древесине — и ни с места, толь плачь. Бытует над ней обесиленные от вечного недоверия девчата, в кровь рестируют руки о деревянных ручках.

И все же даже в таких невыносимых условиях Ирина Мейснер пыталась продолжить образование. Посылала запрос в МГУ с просьбой восстановить ее на заочное отделение. Отказ. Второй раз вообще ответа не получила. Тогда решила послать документы в Новосибирск и продолжить образование хотя бы в области лесной промышленности. Кончилось тем, что она осталась и без документов — ей не прислали ответа, не вернули аттестат.

Ирина Александровна вспоминает, как ее лишили

комсомольского билета. «Вызвал меня к себе командант: Комсомолка? — Да. А билет есть? — Есть. А ну-ка покажи, дай посмотреть. Отдала я ему билет, а он тут же его и сунул в стол. Иди, какая ты комсомолка, когда ты выселена!»

И все же вырваться из леса, отойти от этой каторжной работы ей помогло полученное до войны образование. В 1947 году ее поставили работать на пристани бухгалтером, а затем опять же вызвали в командатуру и дали назначение в школу — учителем.

Да, невозможно в коротком рассказе передать все уродливые узоры жизни Ирины Александровны. Долго хлопотали они о разрешении соединиться с братом, который после трудармии вывезли в Осакаровку. И лишь в 1953 году, после смерти Сталина разрешение было получено. Ирина Александровна к тому времени была замужем, родились дети. По приезде в Казахстан она сразу пошла в школу и до 1975 года бесценно работала учителем. Здесь уже жизнь стала налаживаться. Стали обживаться хозяйство. Начинали с кур, затем купили козу. Все вроде бы потихоньку становилось на свои места. Но в 1965 году случилась новая беда — умер муж Ирины Александровны. Осталась она одна работница на девять человек. Семерых детей воспитала Ирина Александровна. Младшему в то время исполнился один годик. И мама так и живет с Ириной по сей день. Отец и младший брат умерли в Сибири.

Сейчас Ирина Александровна живет в «Восходе», всеми уважаемая старая учительница. У нее выросли прекрасные дети, и уже подарили бабушке 14 внуков. Все вроде бы хорошо. И все же...

— Ирина Александровна, сейчас, спустя десятилетия, как Вы оцениваете все это? Оправдана ли была по отношению к Вам, ко всему немецкому населению вот такая политика? Может, война как-то оправдывает ее?

— Мы сейчас, во время перестройки, активно возвращаемся к Ленину во всем. В том числе и в вопросах национальной политики, в вопросах осмысления прошедшей войны. Только сталинизм мог так бесчеловечно решать судьбу целых народов. Конечно, в период войны всему нашему народу, а не только советским немцам пришлось тяжело. Но по-ленински мы просто обязаны были быть вместе в отражении фашизма. Сталин же бросил, темн подозрения и на советских немцев, и на крымских татар, другие народности, не разбирая, кто прав, кто виноват, а еще раньше на так называемых кулаков. Вот откуда идут корни правого бесправия, насилия над невинными людьми.

И хорошо, что в период перестройки мы все голос говорим об этом. Нельзя строить правовое государство, не изгнав трагических ошибок прошлого, не создав основы того, чтобы это прошлое никогда, ни при каких условиях не повторилось.

Я так считаю. Но осмысливая прошлое, мы должны быть мудрыми людьми. Прошлое, как говорится, не воротишь, надо жить для будущего и настоящего. И в национальных вопросах очень важен терпеливый разумный диалог. Нельзя выделять в этом диалоге только одну какую-то боль. От сталинизма пострадал весь наш народ.

Историю не переделаешь, нельзя резать по живому. Нам, всем народам СССР, необходимо жить вместе и дружно. И лучшие периоды истории нашей страны говорят о том, что только так и надо нам жить.

Когда я слышу о международных рознях в наше перестроечное время, мне становится обидно. Сейчас нам, как никогда, нужны сплочение и дружба. Ведь перестройка создает прочные основы того, чтобы наш народ наконец-то занял счастливую жизнь по правде.

Р. ГОСМАН.